

ПРОБЛЕМА КАЧЕСТВЕННЫХ ИЗМЕРЕНИЙ ЛАТЕНТНОЙ ПСИХОЛОГИИ БОЛЬШИХ ГРУПП

© 2018

Е.В. Бакиутова, доктор философских наук, кандидат психологических наук,
доцент, заведующий кафедрой «Психология и педагогика»
Самарский государственный технический университет, Самара (Россия)

Ключевые слова: большие социальные группы; латентная психология группы; языковое сознание; качественный анализ; параметризация; текст; категория; высказывание; скрипт; семантика.

Аннотация: В статье раскрывается авторская идея изучения латентной психологии больших групп. Актуальность работы обусловлена необходимостью разработки новых методологических подходов к изучению группового сознания социокультурных макрофеноменов – больших групп (классов, страт, этносов, конфессиональных и культурных сообществ), превосходящих сегодняшние возможности скрининговых, опросных исследований, не всегда позволяющих увидеть источники, механизмы и динамику тех или иных явлений. Статья посвящена обсуждению возможности качественных измерений неосознаваемого содержания группового сознания и их параметризации. Автор на основе результатов различных исследований показывает исследовательские возможности «погружения» в психологию больших социальных групп. Обращаясь к опыту, методологии и методам гуманитарных наук – истории, культурологии и лингвистики, автор привносит в современную социальную психологию больших групп новую методологическую оптику, дающую возможность более тонкого анализа психологии социокультурных макрофеноменов. В качестве единиц анализа рассматриваются публицистические тексты в литературно-политическом журнале XIX века, тексты и отдельные высказывания онлайн-конференций в сетевом сообществе, ассоциативно-вербальные сети различных аспектов социального сознания в реальных группах, онлайн-дискуссии в социальных сетях. В работе представлены такие методы исследования, как нарративный и дискурсивный анализ, свободный ассоциативный эксперимент, категориальный анализ, функциональная и ролевая грамматики. Обосновывается исследовательская стратегия работы с языковым сознанием групп, выраженных в различных коммуникативных практиках – от массивов текстов до отдельных высказываний. Постнеклассический подход позволяет не только осуществить «срезы» содержания сознания различных групп, но и проследить их динамику, учитывающую формирование этого содержания, его скрытую семантику и возможные траектории развития, что осуществимо прежде всего благодаря качественным измерениям языковых явлений.

ВВЕДЕНИЕ

В XXI веке новым гуманитарным направлением, изучающим пишущего человека, стала скрипторика (М.Н. Эпштейн) [1], подход, возвращающий субъекта письма в условия, когда благодаря распространению социальных сетей коммуникативное пространство пишущих увеличилось до сотен миллионов людей, появились новые жанры личностной самопрезентации и самореализации.

Дело в том, что традиционная социальная психология, изучающая большие группы, занимает в их отношении прежде всего описательную позицию – это очевидно по вузовским учебникам. В исследовательской же части социальной психологии часть описанных феноменов изучается, но в основном на «верхнем» слое сознания – это осознаваемые представления, отношения, оценки, установки индивидов в различных сферах жизни общества. Это нужная работа, но она не всегда позволяет проникнуть в суть происходящего.

Очевидно, что групповое сознание больших социальных групп – исторически складывающийся, развивающийся и наследуемый феномен. Социально-психологическая основа этого феномена образуется стихийным синтезом гносеологических, социокультурных, психических образований. В отличие от индивидуального сознания, групповое обладает многосмыслием, полнотой и императивностью мировоззрения, а также пониженным уровнем рациональной осознанности реальности. Таким образом, говоря об отношении индивидуального и группового сознания, мы получаем не-

кий конфликт: полнота vs осознанность, но очень много в получаемом нами ментальном наследии мы даже не пытаемся осознать.

Нашу исследовательскую установку по отношению к изучению психологии больших социальных групп раскрывают два тезиса, принадлежащие двум выдающимся отечественным мыслителям – М.М. Бахтину и М.К. Мамардашвили. М.М. Бахтин в 1929 г. (возможно, под влиянием марксистской философии) писал, что «сознание слагается и осуществляется в знаковом материале, созданном в процессе социального общения организованного коллектива. Индивидуальное сознание питается знаками, вырастает из них, отражает в себе их логику и их закономерность» [2, с. 17]. О всеобщности мышления говорил и М.К. Мамардашвили: «...наша сознательная жизнь организована таким образом, что если мы что-то до конца и по-настоящему делаем, если встали на какой-то путь и идем по нему, то в сделанном обязательно окажется то, что делали другие <...> Если мы действительно подумали (а это очень трудно), то подумаем то, что подумали другие» [3, с. 28]. На протяжении ряда лет нами проводились исследования языкового сознания групп, выраженного в разнообразном вербальном, текстовом и дискурсивном материале. Цель работы – анализ и обобщение опыта изучения группового сознания для определения исследовательских, прогностических и превентивных возможностей на основе синтеза гуманитарных и социально-психологических подходов и методов.

ЯЗЫК КАК КЛЮЧ К ПСИХОЛОГИИ БОЛЬШИХ ГРУПП

Мы полагаем, что психологию больших групп целесообразно изучать через язык. Язык фиксирует богатство содержания, отдельные процессы и свойства, динамику реального состояния психологии социальных макроструктур (обществ, классов, этносов, наций), ее особенности, противоречия представлений, настроений, ожиданий, предрассудков и преубеждений. В больших группах образуются и веками функционируют мало-рефлексируемые «типизирующие идеализации», унифицированные воззрения на мир, которые и создают смысловое поле социальной идентификации («используя» такие инструменты, как категории, концепты, вербальные сети, ассоциативные стереотипы, атрибутивные схемы, фреймы, скрипты, логоэпистемы, культурные практики, императивы и идеологемы). Они могут быть противоречивы, но гарантируют ментальное сходство предков и потомков.

Различные и различающиеся между собой лингвистические школы на протяжении многих лет объединяются в стремлении психологически объяснить языковые факты; так или иначе соотносить языковые формы с их ментальными содержаниями и репрезентациями, а также с тем психоэмоциональным опытом, который они в качестве структур знания отражают [4–6]. Все они вскрывают связь знаний, заложенных в языке, с субъектом восприятия, познания, мышления, переживания, поведения и практической деятельности.

В сознании субъекта реальный мир преломляется и фиксируется в языке в виде эмоционально ориентированных понятий, представлений, образов, концептов и моделей. В процессе групповой коммуникации могут генерироваться когнитивно-эмоциональные конструкторы, не улавливаемые сознанием индивида. Конструирующей средой групповой когнитивной системы является естественный национальный язык, служащий фундаментом социальной памяти. Именно через язык мы можем проникнуть в групповую психологию – для ее понимания и, возможно, изменения. Далее мы покажем исследовательскую динамику погружения в групповое языковое сознание.

ТЕКСТ КАК КУМУЛЯЦИЯ ГРУППОВОЙ ПСИХОЛОГИИ

Наши исследования начинались с работы с текстами – на материале журнала «Русская мысль» (1880–1918) [7]. Регулярно издававшийся на протяжении 39 лет журнал, несомненно, формировал мировоззрение, нормы, систему ценностей, правила поведения всех людей, которые умели читать, – все, что изучает скрининговыми методами классическая социальная психология на реальных выборках в актуальной действительности.

Для исследователя группового сознания в исторической ретроспективе журнал, как регулярно издаваемая совокупность текстов, раскрывает имплицитную психологию той группы, которая и создавала данный метатекст – психологию российской либеральной интеллигенции. Через выявление динамики тем, авторов, наиболее часто цитируемых исторических и современных (конца XIX – начала XX вв.) авторов, жанров оказалось возможным увидеть и отношение интеллигенции к актуальной жизни общества, и то, как формировался об-

раз интеллигенции, включающий в себя характеристики, сформулированные сборником «Вехи» в 1909 г.: антинародность, противогосударственность, безрелигиозность. Более тонкий нарративно-дискурсивный анализ текстов позволяет нам это увидеть. В таблице 1 представлена семантика репрезентаций интеллигенции в разные периоды издания журнала.

Мы видим, что в первые два периода соседствовали канонический образ интеллигенции и апокрифический [7, с. 15]. После революции 1905 года репрезентации российской либеральной интеллигенции имеют только одну тенденцию – самообвинения. Хотя противоположный взгляд тоже существовал, но он входил в рамки дискурса уже другой части интеллигенции.

ВЫСКАЗЫВАНИЕ КАК СКРЫТАЯ СЕМАНТИЧЕСКАЯ ИНТЕНЦИЯ В ТЕКСТЕ

Именно благодаря текстам оказалось возможным зафиксировать уже в начале XXI века большую социальную группу – интеллигенцию. Не обладая четко выраженными групповыми характеристиками, тем не менее она оказалась единственно точно существующей (по сравнению с классами крестьян, рабочих, предпринимателей, среднего класса и т. п. – к концу 2010-х гг.). Интеллигенция сохранилась прежде всего как класс пишущий.

Наше исследование проводилось в социальной сети «Профессионалы.ру» в сообществе «Интеллигенты 2.5» (2009–2011 гг.), созданном А.Д. Мильнером. За активный период жизни сообщества в группе зарегистрировано 1136 человек, было опубликовано 252 онлайн-конференции. Для одного из исследований мы использовали материалы конференций, в названии которых есть слова «интеллигент», «интеллигенция», «интеллигентный» ($N=16$) [8].

Мы применяли ролевую падежную грамматику Ч. Филлмора [9; 10], функциональную грамматику А. Бондарко [11], темпоральный анализ и анализ модальностей для изучения высказываний интеллигентов об интеллигенции. Из всех текстов нами были выбраны высказывания, описывающие интеллигенцию. Высказывания, например, такие ($N=336$): «О сопротивлении интеллигенции мы можем судить по тому, какие жестокие меры были против нее направлены»; «Детей интеллигенции вообще не принимали в вузы»; «При Петре не было интеллигенции»; «Усиленная духовная активность интеллигенции пришлось на первое десятилетие советской власти»; «Большинство русской интеллигенции не запятнано себя отступничеством»; «Одна национальная интеллигенция изничтожает другую»; «Исторические задачи, возложенные на интеллигенцию»; «Интеллигенция зато совершила революцию»; «Интеллигенция – это глина, обладающая некоторыми специфическими характеристиками»; «Интеллигенция пока еще осталась»; «Интеллигенцией здесь, мне кажется, и не пахнет» и др.

Изучая падеж субъекта действия по отношению к основному глаголу в предложении, глубинную семантику мнений об интеллигенции, мы выявили рассогласование открыто высказываемых позитивных тезисов о роли интеллигенции и скрытой семантики, обнаруживающей, что: активность интеллигенции описывается при помощи существительных, а не глаголов; прошлое

Таблица 1. Нарративы, представляющие канонические и апокрифические репрезентации интеллигенции в разные периоды в журнале «Русская мысль»

Семантика канонической репрезентации	Семантика апокрифической репрезентации
1880–1890	
«Интеллигенция тоскующая; скучающая»; «в самом нелепом положении»; «романтически настроенная душа»; «главнейшая вина русской интеллигенции»; «замирание сердечное»; «совершенные иностранцы в родной земле»; «чуткая к запросам совести душа»; «форма свободной человечности». Авторы: Н.В. Шелгунов, Г.И. Успенский [7, с. 15] – интеллигенция описывается как группа, чуждая российской культуре	«Страстная любовь к делу»; «энтузиазм»; «терпение»; «чувство глубокого удовлетворения»; «потребность в творчестве оригинальных либеральных идей»; «заботливое внимание». Авторы: В.А. Гольцев, Д.Н. Сибиряк, А.И. Эртель, П.Д. Боборыкин, Л.А. Камаровский [7, с. 15] – зарождается представление об интеллигенции как о самостоятельном деятельном сообществе с либеральными идеями
1891–1905	
«Интеллигенция – самая образованная, лучшая часть общества»; «духовная интимность»; «молодежь бодрее и сознательнее смотрит на жизнь»; «умственный и нравственный подъем»; «образованная женщина всего скорее оздоровит и облагородит нашу семейную и общественную жизнь»; «уверенность русских в своем превосходстве». Авторы: П.Д. Боборыкин, В.А. Гольцев [7, с. 15] – каноническим становится представление об интеллигенции как о лучшей части общества	«Упадок нравов в творчестве»; «необходимость общей нервно-психической гигиены»; «аскетические недуги нашей интеллигенции»; «дилетанты, любители». Авторы: А.П. Чехов [7, с. 15] – вновь возникает образ интеллигенции как лишней и бесполезной общности
1906–1918	
«В интеллигентском познании поиск истины замещен отстаиванием социальной справедливости»; «героизм русской интеллигенции демонстративный, поверхностный»; «ее самосознание сужено набором стереотипизированных социальных идеалов»; «русская интеллигенция недостаточно рефлексивна»; «русская интеллигенция недисциплинирована, незаконопослушна, не уважает права личности»; «отщепенство, отчуждение от государства и враждебность к нему». Авторы: Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, С.Л. Франк, П.Б. Струве, А.С. Изгоев [7, с. 15]	Дополнительная (апокрифическая) репрезентация отсутствует. Сформирован «портрет» интеллигенции как «пятой колонны», не просто бесполезной, но и вредной для России

идеализируется, техническая интеллигенция лучше гуманитарной, но во всех случаях потенциал группы еще впереди; интеллигенты ощущают интеллигенцию как группу, которая существует вне времени.

На рис. 1 представлены темпоральные характеристики высказываний, на рис. 2 – модальные.

Очевидно, что классическими опросными методами, изучая социальное сознание его носителей, столь тонкую картину мы не сможем получить – во-первых, общеизвестен эффект социальной благожелательности отвечающих на вопросы, а во-вторых, часть семантики оказывается скрытой от самих говорящих (пишущих), и «извлекается» она только специальными грамматическими методами.

КАТЕГОРИЯ КАК ОСНОВА ГРУППОВОГО НОМИНИРОВАНИЯ РЕАЛЬНОСТИ

Следующий уровень погружения в латентную психологию групп связан с такими понятиями, как «концепт», «базовый концепт», «категория», «ассоциат» (Дж. Лаккофф [12], Э. Рош [13]). Это более глубокий уровень анализа, и он может быть использован для изучения социального сознания более обширных сообществ – этнических и конфессиональных, не обязательно располагающих целостными текстами или высказываниями.

Метод, использованный в нашем исследовании, – свободный ассоциативный эксперимент. Ассоциативный эксперимент позволяет выявить системность содержания сознания, стоящего за каждым из стимульных слов в каждой из групповых категориальных систем. В нашем эксперименте – 44 стимульных слова, относящихся к религиозной, этнической, правовой и управленческой сферам. Оказалось возможным описание языкового сознания как системы социальных ассоциативных категорий (этнической, религиозной, правовой и др.) [14].

Эксперимент по свободному ассоциированию в сфере мироописания (2014–2016) позволяет описать систему восприятия социальной реальности различными этноконфессиональными группами (русские (Самара), татары (Казань), мордва (Саранск), марийцы (Йошкар-Ола), N=400). Мы выявили прототипические категории, которыми оперируют группы, и причинно-следственные связи между ними, установление которых структурирует групповые категориальные карты. С этой целью анализируются классификации базисных категорий группы, иерархии категорий, выявляются устойчивые, подвижные и совсем новые категории группового номинирования социальной реальности.

Частотность ассоциативных прототипов показывает бессознательную оценочную (аксиологическую) основу

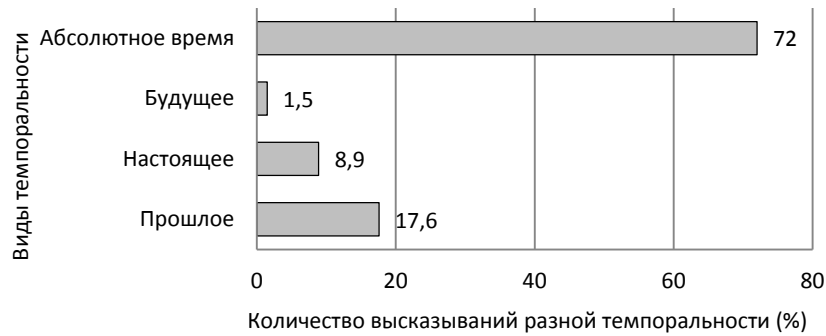

Рис. 1. Темпоральные характеристики высказываний, описывающих активность интеллигенции (в % от общего количества высказываний по всем надеждам)

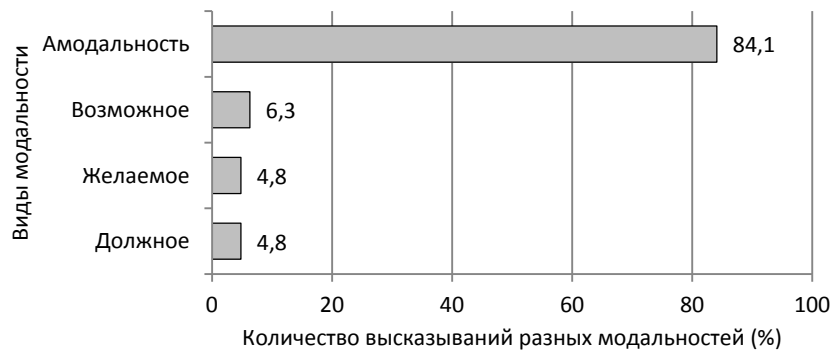

Рис. 2. Модальные характеристики высказываний, выражающих отношение интеллигенции к социальной роли (в % от общего количества высказываний по всем надеждам)

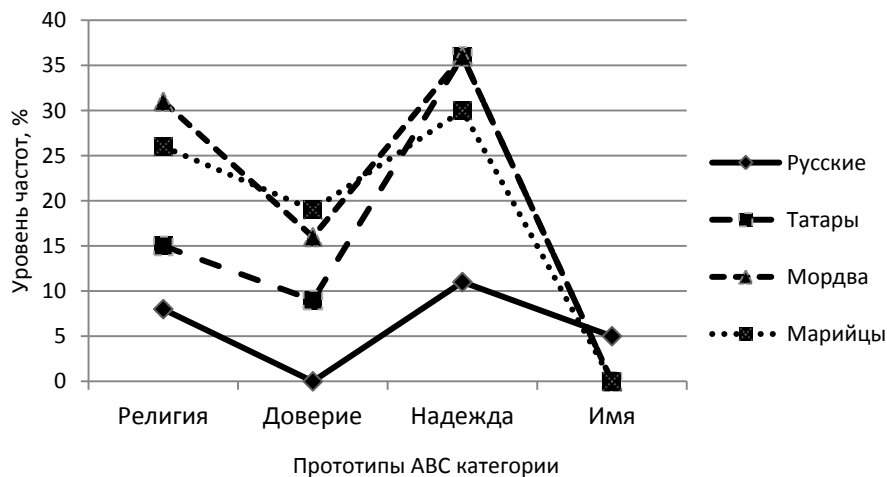

Рис. 3. Графическая визуализация прототипных частот категории «Вера»

мироописаний и направленностей групп в различных сферах группового номинирования, т. е. важность тех или иных явлений социальной жизни в сознании индивидов (рис. 3).

Например, из рис. 3 очевидно, что религиозное сознание вполне может быть обозначено как профанное, так как наибольшие частоты у ассоциации к концепту «вера» – не «бог», или «спасение», или «дух», а вполне бытовое – «надежда», т. е. ассоциативные поля, категории и катего-

риальные прототипы современников сформированы не церковным канонem и традицией, а вербальной компетенцией, знанием слов, описывающих ритуалы. Наряду с категориальными прототипами, образуемыми частотностью ассоциаций, информативна и сеть единичных ассоциаций, на основе которой можно предположить, что вера в Бога, как когнитивная привычка, сравнительно низка, асоциальное сознание групп представляет собой не целостную структуру, а комплекс автономных фрагментов категории.

Ассоциативный уровень социальной психики, репрезентация которого получена в эмпирических исследованиях авторов, дает возможность утверждать: единой религиозной сети мироописаний в России не существует, так как, во-первых, фрагменты ее сохраняют денотатную этноконфессиональную принадлежность; во-вторых, для них характерны признаки «бедной религии» [15] (экуменизма), не имеющей символического капитала в виде общегрупповых вероисповедных прототипов категоризации, в силу чего они находятся в турбулентных процессах энтропии [14]. Данный метод позволяет и прогнозировать тенденции развития общественного сознания в тех или иных сферах. Например, для российских мусульман религиозная проблематика является в целом интегрирующей народ (этнос), эта сфера позволяет сохранять традиционные ценности, с помощью которых можно управлять данным сообществом. Для групп, где индивиды позиционируют себя как верующие православные, в действительности все, что связано с религией, не имеет объединяющей силы.

СКРИПТ КАК СХЕМА И ПРОВОКАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ

В исследованиях 2018 г. мы возвращаемся в социальные сети к пишущему человеку, к сетевым коммуникациям, в которых «класс пишущий» уже не только интеллигенция, но и каждый пользователь Интернета в целом либо отдельных социальных сетей. В связи с тем, что не всякий способен написать длинный связный текст (хотя никто не запрещает написать текст длинный и несвязный, или связный и короткий и т. п.), письменная коммуникация зачастую строится как устная [16] – без приветствий, дополнительных членов предложения, без гласных букв в словах и т. п. – все это делается для ускорения коммуникации, для более скорой передачи собственных мнений, мыслей и идей. Сообщение по сути сводится к схеме. Однако это не делает коммуникацию бессмысленной. Несмотря на то, что существует концепция современности как «второй устности» [17], мы все еще апеллируем к человеку пишущему. Ряд исследователей (Ф. Бартлетт [18], М. Рифаттер [19], Д. Руммельхарт [20]) отмечают, что именно схемы интерпретации, а не тексты сами по себе обеспечивают соответствие послания обретению его смысла.

Сетевой писатель – не всегда еще и читатель. Потребность сетевого человека скорее высказаться, чем получить обратную связь, т. е. текстовый мир сетевого человека, – это индивидуальная система когнитивных конструктов, усвоенных в процессе коммуникативного взаимодействия (реального и виртуального обмена текстами), набор ремоделируемых схем, которые интерпретируются и образуют целые смысловые системы.

Согласно идеям А. Шюца, согласованность смыслов возможна лишь в рамках определенной социокультурной группы, ибо если они (ясность и согласованность) отсутствуют, то и само существование группы оказывается невозможным. В этом плане можно говорить о существовании объективного смысла, который каждый человек, рожденный в данной социокультурной общности, принимает как нечто само собой разумеющееся. Именно общественный, групповой смысл в устоявшемся социуме представляет собой стандартизированную

схему соподчинения и соотношения ценностей, идеалов и ценностных установок и приобретает форму культурного образца [21]. В то же время люди живут в своих собственных переживаниях, в своем жизненном мире, рефлексируют относительно этих переживаний, эксплицируя свой опыт в различных предикациях и суждениях, т. е. речь идет об интерпретации переживаний мира, которые подводятся под определенные интерпретативные схемы. И значит, схемы достаточно для моделирования и ремоделирования смысла в процессе коммуникации. Смысл этот обусловлен культурным контекстом и опосредован субъективным опытом.

Разновидностью схем в сетевом дискурсе являются скрипты. Скрипты – свернутый план действия, кодированное описание цепи последовательных действий, уместных в данной ситуации и организованных вокруг какой-либо цели. Воспринимающий данный скрипт может развернуть всю последовательность в своем сознании для получения полной картины действия либо как сценарий для собственного исполнения ряда действий.

Скрипт, наряду с такими понятиями, как схема, фрейм, был достаточно давно описан в отечественной психологии, но операционализирован скорее в лингвистике, чем в социальной психологии, между тем для последней он имеет весьма важное значение. По словам Г.М. Андреевой, «скрипт как схема (сценарий) действия может быть использован для предсказания или интерпретации поведения другого человека или – в более общем плане – развития какой-либо ситуации» [22, с. 126].

Иногда скрипт интерпретируется в соответствии с исходным замыслом, иногда же налицо разрыв между ожидаемыми и наблюдаемыми параметрами поведения. Интерпретация, соответствующая уникальному субъективному опыту интерпретатора, но несогласованная со сценарием импактора, либо требует перестройки самого скрипта (в зависимости от цели послания), либо служит разрыву шаблона восприятия интерпретатора и, соответственно, изменению его поведения.

Акциональный скрипт – событийный механизм провоцирования социального действия. Мы можем назвать такие его формы, как перформатив (высказывание, произнесение которого тождественно действию, см. рис. 4) и презентема (зачастую – самодемонстрация). Вслед за каждой презентемой/перформативом следует поток интерпретанта. Интерпретанта – это иной способ представления того же самого объекта, скрипт, восприятие которого опосредовано субъективным опытом интерпретатора.

Рассмотрим скрипт (опубликован в социальной сети Facebook 24 февраля 2018 г. в сообществе «Группа поддержки Путина В.В.»), который конструируется схемой антитетичных понятий русофилии и русофобии, где автор кодирует свое представление о подлинном содержании русофилии. В конгруэнтной группе скрипт порождает ряд согласованных с ним комментариев – интерпретант. Попадая в неконгруэнтную группу, данная схема порождает негативный характер ее интерпретант – большинство комментариев содержат агрессивные оценки в отношении к презентеме и ее автору (рис. 5).

Понимая содержание скрипта и контекст, в который он помещается, мы можем спрогнозировать систему равновероятных сообщений. Благодаря коду каждое означающее соотносится с определенным означаемым,

Рис. 4. Скрипт-перформатив. Скриншот фрагмента публикации «Звягинцев ответил тем, кто травит Серебрякова»

Рис. 5. Интерпретанта 1-го уровня. Скриншот комментариев к публикации «Звягинцев ответил тем, кто травит Серебрякова»

приобретая состояние энергии установки, интерпретантой которого, в свою очередь, будет следующий знак и т. д. Таким образом, отдельное сообщение в его конкретной форме, как окончательная упорядоченность значения, которая накладывается на относительную неупорядоченность кода, порождает энергию символического действия. Отношения между символом кода схем, ограничивающего информационное поле источника, и его значением могут меняться: они могут разрастаться, усложняться, искажаться, подвергаться энтропии; символ может оставаться неизменным, тогда как значение может обогащаться или скудеть.

Этот динамический процесс трансформации схем и является процессом сетевого «смыслопорождения», когда скрытые стимулы обретают в глазах адресата все более смыслозначимый характер. Скрипты устойчивых коннотаций, наделенные конкретным эмоциональным смыслом или устойчивой эмоциональной нагрузкой: праведная жизнь, апелляция к традиционным семейным ценностям или к материнской любви, знамя на поле

боя, смерть за другого, честь, отвага, Отечество и т. д. — становятся аттракторами новых смыслов.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

Представлены материалы и результаты авторских исследований неосознаваемого содержания группового сознания, реализованного языковыми практиками. Постнеклассическая методологическая оптика, вводящая в социально-психологическое исследование методы гуманитарных наук, дала нам выявить скрытое содержание группового сознания.

Нарративный и дискурсивный анализ текстов журнала «Русская мысль» (1880–1918) позволил выявить и описать канонические и апокрифические репрезентации интеллигенции, сформированные журналом, — череду негативных и конструктивных имплицитных психологий, сосуществующих одновременно и определяющих не только историческую, но и современную дихотомию образа интеллигенции.

Проведенный анализ показал, что высказанное участниками коммуникации не совпадает с глубинной

семантикой представлений о реальности – за позитивным описанием реальности скрывается «биография вне времени», преобладание желаемого над возможным, большая укорененность в прошлом, чем того требует настоящее.

Категориальный анализ результатов свободного ассоциативного эксперимента религиозного, правового, этнического, регуляционного модусов социального сознания позволил нам выявить устойчивые категориальные карты сознания различных социальных групп, их обновление, возможность транзитивности социального сознания, кумуляции и энтропии феноменов социальной когнитивистики.

Скриптологический анализ, как метод нашего нового исследования, позволяет апеллировать в анализе социально-психологических процессов не к текстам, высказываниям и их содержанию, а к схемам как к свернутым планам действия. Изучение заявленного и достаточно давно описанного в социальной психологии явления в действительности может быть представлено не в общепсихологических, а в социально-психологических исследованиях, что дает нам возможность понимания не только индивидуальных операций памяти, мышления и сознания, но и группового целостного процесса восприятия, осознания, конструирования и управления реальностью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наш исследовательский интерес, актуализировавшийся невозможностью изучения социального сознания, его процессов энтропии и стагнации, обновления и изменения с помощью классических для социальной психологии опросных и тестовых методов, привел к интеграции методов социально-психологических и лингвистических, позволяя синтезировать нарративный, дискурсивный, грамматический подходы к исследованию. Мы понимаем, что работа с любым текстовым материалом – будь то массив текстов, отдельные высказывания в текстах или в диалоге, вербальные реакции на вербальные стимулы, авторские скрипты – требует критического дискурс-анализа, так как любой текст изначально мотивирован контекстом, протестом против контекста, потребностью изменить контекст либо его усилить. Мотивация не всегда (возможно, что всегда не) вполне осознается автором послания, но она в любом случае включена в процесс социального смыслопорождения. Именно поэтому предлагаемые нами методы продуктивны для изучения латентной групповой психологии.

Материал подготовлен в рамках выполнения проекта РФФИ 18-013-00171 А.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Эпштейн М.Н. От знания – к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 480 с.
2. Волошинов В.Н. (Бахтин М.М.) Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке. Вып. 3. М.: Лабиринт, 1993. 192 с.
3. Мамардашвили М.К. Лекции о Прусте. Психологическая топология пути. М.: Ad Marginem, 1995. 548 с.
4. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999. 780 с.
5. Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М.: ИРЯ РАН, 1999. 180 с.
6. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ «Восток-Запад», 2007. 314 с.
7. Бакшутова Е.В. Социально-психологические аспекты ментальности русской интеллигенции конца XIX – начала XX вв. (по материалам журнала «Русская мысль» 1880–1918) : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Самара, 2005. 24 с.
8. Бакшутова Е.В. Групповое сознание российской интеллигенции. Самара: ПГСГА, 2015. 502 с.
9. Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. Лингвистическая семантика. М.: Прогресс, 1981. С. 369–495.
10. Филлмор Ч. Дело о падеже открывается вновь // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. Лингвистическая семантика. М.: Прогресс, 1981. С. 496–530.
11. Бондарко А.В. Основания функциональной грамматики // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: Наука, 1987. С. 5–39.
12. Лакофф Дж. Когнитивное моделирование. Язык и интеллект. М.: Прогресс, 1996. 416 с.
13. Rosch E. Principles of categorization // Cognition and categorization. New Jersey: Hillsdale, 1978. P. 27–48.
14. Бакшутова Е.В., Рулина Т.К. Автономные и гетерономные основы религиозного мировоззрения больших групп // Социальная психология этнонационального, религиозного (конфессионального), правового, регулятивно-управленческого сознания в современной России. Самара: СГСГУ, 2016. С. 62–111.
15. Эпштейн М.Н. Тезисы бедной веры // Северный регион: наука, образование, культура. 2014. № 1. С. 111–124.
16. Гусейнов Г.Ч. Через языковой импорт к нам придет и новая реальность // Газета.ru. 2015. 15 августа. URL: gazeta.ru/comments/2015/08/14_a_7687912.shtml.
17. Коломиец Я.Ю. Концепция «второй устности» У. Онга и ретрайбализация общества посредством социальных сетей в XXI веке. Часть 1 // Вопросы теории и практики журналистики. 2017. Т. 6. № 3. С. 418–429.
18. Bartlett F.C. Remembering: A study in experimental and social psychology. Cambridge: Cambridge University Press, 1932. 317 p.
19. Riffaterre M. Fictional Truth. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1990. 137 p.
20. Rumelhart D.E. Schemata: The building blocks of cognition // Theoretical Issues in Reading Comprehension. Hillsdale NJ: Lawrence Erlbaum, 1980. P. 33–58.
21. Шюц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. М.: Общественное мнение, 2003. 336 с.
22. Андреева Г.М. Психология социального познания. М.: Аспект Пресс, 2009. 303 с.

REFERENCES

1. Epshteyn M.N. *Ot znaniya – k tvorchestvu. Kak gumanitarnye nauki mogut izmenyat mir* [From knowledge to creativity. How the humanities can change

- the world]. Moscow, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2016. 480 p.
2. Voloshinov V.N. (Bakhtin M.M.) *Marksizm i filosofiya yazyka. Osnovnye problemy sotsiologicheskogo metoda v nauke o yazyke* [Marxism and the Philosophy of Language. The main problems of the sociological method in the science of language]. Moscow, Labirint Publ., 1993. 192 p.
 3. Mamardashvili M.K. *Lektsii o Pruste. Psikhologicheskaya topologiya puti* [Lectures on Proust. Psychological topology of the path]. Moscow, Ad Marginem Publ., 1995. 548 p.
 4. Vezhbitskaya A. *Semanticheskie universalii i opisaniye yazykov* [Semantic universals and description of languages]. Moscow, Yazyki russkoy kultury Publ., 1999. 780 p.
 5. Karaulov Yu.N. *Aktivnaya grammatika i assotsiativno-verbalnaya set* [Active grammar and associative-verbal network]. Moscow, IRYa RAN Publ., 1999. 180 p.
 6. Popova Z.D., Sternin I.A. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. Moscow, AST "Vostok-Zapad" Publ., 2007. 314 p.
 7. Bakshutova E.V. *Sotsialno-psikhologicheskie aspekty mentalnosti russkoy intelligentsii kontsa XIX – nachala XX vv. (po materialam zhurnala "Russkaya mysl" 1880–1918)*. Avtoref. dis. kand. psikhol. nauk [Social aspects et animi mentisque habitus Russian intelligentia in n. XIX – d. XX centuries. (Secundum ad magazine "Russian Mind" 1880–1918)]. Samara, 2005. 24 p.
 8. Bakshutova E.V. *Grupповое soznanie rossiyskoy intelligentsia* [Group consciousness of the Russian intelligentia]. Samara, PGSGA Publ., 2015. 502 p.
 9. Fillmor Ch. Case about the case. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Lingvisticheskaya semantika*. Moscow, Progress Publ., 1981. Vyp. 10, pp. 369–495.
 10. Fillmor Ch. The case of the case is reopened. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Lingvisticheskaya semantika*. Moscow, Progress Publ., 1981. Vyp. 10, pp. 496–530.
 11. Bondarko A.V. Bases of functional grammar. *Teoriya funktsionalnoy grammatiki: Vvedenie. Aspektualnost. Vremennaya lokalizovannost. Taksis*. Leningrad, Nauka Publ., 1987, pp. 5–39.
 12. Lakoff Dzh. *Kognitivnoye modelirovaniye. Yazyk i intellect* [Cognitive modeling. Language and Intellect]. Moscow, Progress Publ., 1996. 416 p.
 13. Rosch E. Principles of categorization. *Cognition and categorization*. New Jersey, Hillsdale Publ., 1978, pp. 27–48.
 14. Bakshutova E.V., Rulina T.K. Autonomous and heteronomous bases of the religious outlook of large groups. *Sotsialnaya psikhologiya etnonatsionalnogo, pravovogo, regulativno-upravlencheskogo soznaniya v sovremennoy Rossii*. Samara, SGSPU Publ., 2016, pp. 62–111.
 15. Epshteyn M.N. Theses of poor faith. *Severnyy region: nauka, obrazovanie, kultura*, 2014, no. 1, pp. 111–124.
 16. Guseynov G.Ch. Through language import, a new reality will come to us. *Gazeta.ru*, 2015, 15 August. URL: gazeta.ru/comments/2015/08/14_a_7687912.shtml.
 17. Kolomiets Ya.Yu. The Conception of Secondary Orality by Walter J. Ong and Re-Tribalization of Society through Using Social Networks In XXI Century. Part 1. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*, 2017, vol. 6, no. 3, pp. 418–429.
 18. Bartlett F.C. *Remembering: A study in experimental and social psychology*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 1932. 317 p.
 19. Riffaterre M. *Fictional Truth*. Baltimore, Johns Hopkins University Press Publ., 1990. 137 p.
 20. Rumelhart D.E. Schemata: The building blocks of cognition. *Theoretical Issues in Reading Comprehension*. Hillsdale NJ, Lawrence Erlbaum Publ., 1980, pp. 33–58.
 21. Shyuts A. *Smyslovaya struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoy sotsiologii* [Semantic structure of the everyday world: essays on phenomenological sociology]. Moscow, Obshchestvennoe mnenie Publ., 2003. 336 p.
 22. Andreeva G.M. *Psikhologiya sotsialnogo poznaniya* [Psychology of social cognition]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2009. 303 p.

**THE PROBLEM OF QUALITATIVE MEASUREMENTS
OF THE LARGE GROUP LATENT PSYCHOLOGY**

© 2018

E.V. Bakshutova, Doctor of Sciences (Philosophy), PhD (Psychology),
Associate Professor, Head of Chair of Psychology and Pedagogy
Samara State Technical University, Samara (Russia)

Keywords: large social groups; group latent psychology; linguistic consciousness; qualitative analysis; parameterization; text; category; utterance; script; semantics.

Abstract: The paper reveals the author's approach to the study of the latent psychology of large groups. The relevance of the research is caused by the necessity of the development of new methodological approaches to the study of group consciousness of socio-cultural macrophenomena – large groups (classes, strata, ethnic groups, confessional and cultural communities) that surpass today's possibilities of screening and survey research not always allowing seeing the sources, mechanisms and the dynamics of certain phenomena. The paper covers the discussion of the possibility of qualitative measurements of the extramental content of group consciousness and their parametrization. Based on the results of various studies, the author shows the research possibilities of “jumping” into the large social groups' psychology. Referring to the experience, methodology, and methods of the humanities – history, cultural studies and linguistics, the author brings new methodological optics to the modern social psychology of large groups enabling the more subtle analysis of the psychology of sociocultural macrophenomena. As the units of the analysis, the journalistic texts in the literary and political journal of the XIX century, the texts and individual utterances of the online conferences in the network community, the associative-verbal networks of various aspects of social consciousness in real groups, and the online discussions in social networks are considered. The paper presents such research methods as the narrative and discursive analysis, free association experiment, categorical analysis, and functional and case grammar. The author substantiates the research strategy of the work with the linguistic consciousness of the groups expressed in various communicative practices – from the arrays of texts to the certain utterances. The postnonclassical approach allows both performing the “samples” of consciousness content of various groups and tracing their dynamics considering the formation of this content, its latent semantics, and possible development trajectories, that can be implemented due to the qualitative measurements of the linguistic phenomena.